

Народные мемуары

Валерий ГАБРУСЕНКО

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО

Родился я через полтора месяца после начала войны. Пережил эпохи Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина и уже более 20 лет живу в эпоху Путина — назло Пенсионному фонду.

* * *

Послевоенный Новосибирск представлял собой огромную деревню с деревянными домами, печным отоплением, «удобствами» во дворе, водоразборными колонками — одна на полтора-два квартала, — которые в сильные морозы частенько замерзали. Рядом с домами были огороды, а во многих дворах держали кур и даже коров (во времена своего правления Никита Хрущев с живностью решительно расправился). Многоэтажные кирпичные дома возвышались как отдельные скалы на равнине. Правда, на заводских окраинах были еще целые кварталы многоэтажных домов, так называемые соцгорода. В центральной части города мощным был Красный проспект и несколько других магистральных улиц, на остальных было грунтовое покрытие.

* * *

Из детсадовской жизни вспоминается одна деталь, типичная для того времени. Хлеб нам во время еды клали на тарелочку на стол, по кусочку на человека. Все любили горбушку. За ней начиналась настоящая охота. Случалось, что кто-то дотронется до куска хлеба, а потом увидит побольше и схватит его. После этого обиженный начинал громко ябедничать: «А он мой хлеб обстрогал!»

Елку у нас дома устраивали всегда, сколько себя помню. Стекланных игрушек было мало, в продаже они появились где-то в 1950-е, сохранилась часть довоенных — тяжелых, словно из металла. Зато много было флажков и картонных игрушек, а кое-что делала мама, с ее хорошим художественным вкусом. Освещение делал старший брат. Он где-то доставал (тогда многое «доставали», так как в магазинах мало что можно было купить) автомобильные лампочки и сам паял гирлянду.

Городская елка в центре на площади Сталина (сегодня площадь Ленина. — *Ред.*) была одной из самых высоких в Советском Союзе. Когда ее включали по вечерам, в Центральном районе Новосибирска из экономии иногда выключали свет и мы сидели при лучине, так как свечей тоже было не купить. В те времена заводы работали в три смены и электроэнергии на все нужды не хватало.

С новогодней елкой связан комичный случай, о котором рассказывала мама. Она в то время работала заведующей детсадом в Заельцовском районе. В том же районе был детсад обувной фабрики. Организация-шеф денег на детей не жалела, потому детсад ходил в районных передовиках. Заведующая по фамилии Дрек однажды решила всех поразить, устроив вращающуюся елку. Однако мастера-настройщики что-то сделали не так. Когда начался утренник и дети по команде Деда Мороза хором закричали: «Елочка, зажгись, огоньками засветись!», елка стала вращаться с такой скоростью, что игрушки повисли горизонтально, начали разлетаться по стенам, а дети с ревом и визгом попрятались по углам.

Наверное, потому, что нам с бабушкой днем часто бывало холодно, в памяти детства больше запечатлелась зима, чем лето. Печку топили раз в сутки вечером, чтобы ночью было тепло. Еще один незначительный момент я помню так четко, как будто это было вчера. Брат катает меня на санках по тротуару Красного проспекта. Вечер, пушистый снег, из динамиков на Доме Ленина (в то время там находился ТЮЗ) звучит чудная «Баркарола» Чайковского. Название и автора я тогда, конечно, не знал, но музыку запомнил. С тех пор «Баркарола» ассоциируется у меня с зимой и тихо падающим пушистым снегом, а не с летом, венецианскими каналами и гондольерами.

* * *

Телефонов тогда не было, и гости зачастую приходили без приглашения. Причем не только в единственный тогда выходной день — воскресенье, но и в будни по вечерам. А мы, дети, ходили в гости друг к другу, как к себе домой. Если попадали во время трапезы в чужой дом, нас и кормили, как своих детей. Потом быт стал налаживаться, появились телевизоры и телефоны, люди постепенно «окукливались» и милые патриархальные отношения навсегда ушли в прошлое. Сегодня, если нужно срочно переговорить с соседкой по площадке, удобнее это сделать по телефону, а не звонить ей в дверь.

* * *

Всенародных праздников в послевоенное время было немного: Новый год (один день отдыха), День солидарности трудящихся 1 мая (два дня) и День Октябрьской революции 7 ноября (два дня). Выходным был и День памяти Ленина 21 января, но гулянок по этому поводу, конечно, не было.

Еще одним из праздников был день выборов. На всех избирательных участках (их называли агитпунктами) с утра до вечера проходили концерты самодеятельных артистов. Самодеятельность поддерживало

государство, и она была на очень высоком уровне. Достаточно большие организации содержали собственные хоры, оркестры или танцевальные коллективы, а особо крупные — и то, и другое, и третье. О домах культуры и говорить нечего. В их штатах были предусмотрены даже соответствующие должности — хормейстера, дирижера или балетмейстера. Мы с утра обходили ближайшие участки, смотрели программы и выбирали наиболее интересные номера. А потом бегали с одного участка на другой, пока нас не выгоняли, потому что начинались танцы под оркестр для взрослых. Еще одним плюсом дней выборов было обилие продуктов в буфетах, включая экзотические для нас мандарины.

Для поколения наших родителей самым ярким праздником был День Победы 9 мая 1945 года (у очень многих — «со слезами на глазах»), а для нашего поколения — 12 апреля 1961 года, день первого полета в космос Юрия Гагарина. Это было действительно всенародное и, увы, последнее ликование.

* * *

Жила наша семья в центре города на ул. Октябрьской, занимая половину одноэтажного деревянного, как тогда говорили, «частного» дома, хотя дом был государственным. В квартире было две комнаты площадью 17 и 6 кв. метров и кухня площадью тоже 6 кв. метров. В последней находились печка, умывальник, вешалка и кухонный стол с электроплиткой, у которой часто перегорала открытая спираль. В квартире жило шесть человек: бабушка, я с мамой, тетушка Вера со своим сыном Игорем (двоюродный брат был на семь лет старше меня) и одинокая тетушка Ира. Нас такая скученность не огорчала — так же, если не теснее, жило большинство.

Несколько моих одноклассников жили в благоустроенных квартирах с кухней, ванной и туалетом, но зависти у меня к ним никогда не было. Я понимал, что их отцы — начальники и получили такое жилье по праву. Среди множества моих недостатков было, по крайней мере, одно достоинство — отсутствие зависти.

В большой комнате у нас стоял массивный стол, перевезенный летом 1917 года из Петербурга-Петрограда. За ним мы ужинали, делали с братом уроки и по вечерам читали вслух книги. Со столом были привезены и венские стулья, которые служили нам, не расшатываясь, почти 50 лет.

* * *

Как наша семья оказалась в Новосибирске, знаю из рассказов бабушки. Мой дед, происходивший из белорусских крестьян, работал на Обуховском заводе токарем. Видимо, он обладал хорошей квалификацией, поскольку растачивал стволы морских орудий, что требовало очень высокой точности. Жили они на окраине Петербурга в заводской квартире в одноэтажном доме, с отдельным входом. В заводской лавке для работников продавались продукты хорошего качества и дешевле, чем в коммерческих магазинах. Их можно было брать в кредит без

процентов, по заборной книжке. Жена рабочего брала продукты, в эту книжку записывали сумму, а из очередной получки мужа вычитали их стоимость. Мера разумная — даже если муж любил закладывать за воротник, семья не голодала. В заводской больнице бесплатно лечили рабочих и членов их семей. Мой дед (у него был хороший баритон), а позднее его старшая дочь Ира пели в заводском самодеятельном хоре. Как видно из сказанного, социальные вопросы начали неплохо решать и при царе, пусть и далеко не везде, и нужды в революциях не было. Зарплата деда составляла порядка 60 рублей в месяц. Этого было достаточно для безбедного существования семьи из семи человек (в нашем семейном архиве хранится его расчетная книжка).

В разговорах про досоветское время бабушка часто упоминала про «коровье» масло. Сливочное, мол, ели только в праздники. Как-то раз я, воспитанный советской школой в презрении ко всему дореволюционному (мне было лет десять-двенадцать), сказал: «Вот видишь, вы даже сливочного масла не ели, а у нас оно есть для всех». В те времена в свободной продаже было великолепное масло типа «вологодского» и «экстры». На что она парировала: «Это и есть коровье, а сливочного ты и не нюхал».

В Сибирь семья переехала летом 1917 года после Февральской революции, когда начались перебои с продуктами, галопирующая инфляция и прочие «демократические прелести».

* * *

Жили мы дружно, если конфликты и возникали, то в моей памяти они не отложились. В 1952 году брат поступил в Томский политехнический институт, вскоре по приглашению уехала на работу в Ангарск тетушка Ира, и сразу показалось, что квартира опустела.

Запасти воды, принести уголь из сарая, наколоть дров для растопки, а зимой очистить от снега прилегавший к квартире участок двора и тротуара — все это лежало на «мужских плечах». Вначале это были плечи брата, а потом мои. Я даже наловчился носить воду на коромысле на одном плече так, чтобы вода не расплескивалась.

Главной едой в послевоенные времена была картошка и капуста. Картошку мы, как большинство новосибирцев, сажали в поле. Для этого совхозы и колхозы по указанию партийных органов выделяли участки для организаций (в организации тетушки Веры — в 15 километрах от райцентра Коченево). На поля выезжали всем коллективом на открытых грузовиках и по дороге обычно пели песни. Самым трудным делом был вывоз картошки. Полуторка ездила два раза в день по 50 км туда и обратно. Однажды она на втором рейсе сломалась и мы прождали ее двое суток. В первые сутки ночевали в поле у костра (а это середина сентября). Хорошо, что на вторую ночь нас приютили в сельской школе. Осенью покупали капусту и засаливали на зиму. Когда в подполье запасена картошка, а в сенях стоит бочка капусты, на душе спокойно — с едой проблем не будет. А если запасли три тонны угля, то и мерзнуть не придется!

Даже в праздники меню было не слишком разнообразным. Обычно на горячее подавали котлеты с картофельным пюре, а зимой пельмени. Это блюдо замечательно общинным приготовлением. Я научился «лепить пельмени» где-то с одиннадцати лет и всегда с радостью участвовал в этом кулинарном мероприятии. Еще мама очень хорошо готовила голубцы. Из холодных закусок практиковались винегрет, холодец и селедка под шубой из сметаны. Колбаса и сыр не в счет — это магазинные продукты. Салаты появились много позже, когда стали выпускать майонез. Пекли также пироги из серой муки. Белую муку в магазинах продавали два-три раза в год по 3 кг в руки. В очередь записывались с вечера, номер писали на руке химическим карандашом, отмечались несколько раз ночью. Тот, кто переключку пропустил, безжалостно вычеркивался. В ходу была даже такая фраза: «Ну и очередь, как за мукой!»

Наш дом был очень гостеприимным. Гости бывали не только в праздники, но и по выходным. В основном это были одинокие женщины — вдовы погибших мужей либо разведенные (у которых мужья вернулись с фронта с новыми женами). Единственным украшением компании с мужской стороны бывал милейший Михаил Александрович Шиша — племянник бабушки, мой двоюродный дядя, один из первых инженеров Новониколаевска. Он руководил строительством первой электростанции, а потом заведовал ею. В послевоенные годы он заведовал кафедрами в водном и сельскохозяйственном институтах. На столе редко бывало больше одной бутылки вина. Зато без песен не обходилось никогда. Тогда я узнал и полюбил на всю жизнь русские народные песни «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», «Имел бы я золотые горы», «По диким степям Забайкалья», «В низенькой светелке», «Лучина» и много других. Пели их не напившиеся, а только чуть захмелевшие люди.

Детей одевали кто как может. Мальчики, как и девочки, носили чулки на пажиках (особое приспособление для фиксации чулок на ногах. — *Ред.*). Детские носки начали выпускать много позже. У мужских носков резинок не было. Для их поддержания использовали специальные подтяжки, закрепляемые на икрах. Зимой женщины надевали темные строгие шевиотовые платья, а летом — штапельные. Особой роскошью для дам считалась одежда из крепдешина, а у мужчин верхом шика — черный бостоновый костюм, который шился у портного, надевался по праздникам и служил 20 лет.

По субботам мы ходили в баню — на улице Каменской (действует и поныне) или на улице Коммунистической (сейчас на ее месте пристроенное здание КГБ — ФСБ). В дошкольные годы меня в баню водила мама — на Коммунистической были так называемые семейные номера, где мама вначале мыла меня, а потом я сидел в коридоре и ждал, пока помоеется она. За 10 минут до истечения часа банщица стучала в дверь и кричала: «Время!» Эти номера посещали преимущественно молодые семейные пары по предъявлению паспортов со штампом ЗАГСа, что было вполне объяснимо при квартирной тесноте того времени. По этому поводу существовала даже шутивная поговорка: «Пойдем в баню, заодно и помоемся».

Взрослых мы побаивались. За неподозволительные шалости на улице они могли надрать уши и не полениться отвести к родителям. Если чужой ребенок попадал в беду или рисковал здоровьем, взрослые не проходили мимо. Это потом вместе с «окукливанием» пришло и равнодушие.

Зимой любимыми занятиями детворы были коньки и игра в сопку. «Снегурки» с загнутыми носками подвязывали прямо к валенкам бельевыми веревками. Система подвязки была достаточно сложной, как попало затянутые веревки быстро ослабевали, и коньки сваливались. Полозья у «снегурок» были широкие, и мы катались прямо по утоптанному на тротуарах снегу. Одно плохо — жильцы прилегающих домов посыпали тротуар, если он был скользкий, печной золой. Это их заставлял делать участковый милиционер. А сопка — это утоптаный высокий сугроб, на который забиралась одна команда, а другая всячески старалась ее столкнуть или стащить вниз и занять «высоту» (эта детская игра иначе называется «Царь горы». — *Ред.*). «Высота», как на войне, часто переходила из рук в руки. В боевом угаре иногда доходило до «ранений» — расквашенных носов, а оторванных пуговиц, воротников и карманов никто не считал.

Весной первой детской забавой были ручьи. Пробивать для них канавки в снегу или во льду было не только интересно, но и необходимо, чтобы отвести талую воду от дома. Вторым развлечением были кораблики. Их делали из дощечек, ставили мачты из лучинок и бумажные паруса. Интереснее всего было пускать кораблики на Красном проспекте, где протекал самый длинный в городе ручей — аж до самой речки Каменки, которая уже давно течет в трубе. Мы проделывали этот путь бегом рядом со своими корабликами. В те времена снег с улиц почти не вывозили. За счет чистки дорог и тротуаров между ними вырастали целые брустверы сугробов. Учитывая ширину Красного проспекта, ручьи на нем были самыми могучими, и для перехода через них ставили деревянные мостки. Еще мы любили наблюдать ледоход на Оби — фантастическое зрелище, которого новосибирцы лишились после строительства ГЭС.

Летом мы любили футбол и купание. Вечерами гоняли мяч прямо на проезжей части — в это время суток машины были большой редкостью, а если появлялись, мы их замечали издали. В старших классах предпочтение отдавалось волейболу. Во многих дворах имелись игровые площадки. На них собиралась как молодежь, так и семейные мужчины с болельщиками — женами и детьми, формировались команды, которые играли друг с другом «на вылет» (проигравшая команда уступала место другой) почти дотемна. К командным играм в те годы приобщалось действительно много людей. Спустя время волейбольные площадки уступили место хоккейным, а теперь не осталось ничего.

Таинство смерти волновало меня с малых лет. Я не мог смириться с мыслью, что еще вчера человек был, а сегодня его нет — он ничего не видит, ничего не слышит и ни о чем не думает. Может, теперь он

видит, слышит и думает изнутри другого человека? На этом мои размышления заходили в тупик, но от них было недалеко до признания бессмертия души.

По причине этих размышлений мне нравилось участвовать в похоронных процессиях. В те далекие годы людей хоронили не так, как нынче. Покойника везли на открытой грузовой машине с опущенными бортами, гроб стоял на ковровой подстилке, за машиной шли родные и близкие, затем шествовал духовой оркестр (если его нанимали), а позади полз автобус или грузовик с сиденьями. Процессия проходила пешком почти через весь город по Красному проспекту до железнодорожного переезда за улицей Писарева (тогда путепровода еще не было). Затем участники шествия садились в транспорт и дальше ехали на небольшой скорости. Когда я в 1952 году увидел похороны в Москве, они меня поразили своим «кошунством»: прямо перед домом, откуда вынесли гроб с покойным, все сели в машины и на четвертой скорости помчались на кладбище.

* * *

О трамвае того времени, почти единственном виде общественного транспорта, можно написать отдельный роман. С ним в жизни новосибирцев было связано многое, в том числе немало трагедий. Основной парк тогда составляли старые трамваи: первый вагон моторный, один или два прицепных. Их двигатели издавали рев, как реактивные самолеты. В вагонах, как в электричках, были тамбуры, но с открытыми дверными проемами и наружными поручнями. Отапливалось только место кондуктора — под сиденьем стоял электрообогреватель. Ходили трамваи редко и потому были облеплены пассажирами, как котлеты сухарями. Поскольку был велик соблазн вскакивать и выскакать на ходу, под колесами трамваев гибло много людей. Однажды и я, спасаясь от преследования кондуктора, выпрыгнул на ходу из первого вагона, запнулся за что-то на земле и растянулся вдоль рельса. Слышу около левого уха: вжик! — одно колесо, вжик! — другое (это один прицеп), потом третье и четвертое (второй прицеп). Из вагонов закричали: «Мальчика зарезало!» Трамвай остановился, а я — ноги в руки и подальше от места события, потому что знал породу взрослых. От радости, что я остался жив, мне бы больно надрали уши. Было мне тогда лет восемь-девять.

* * *

На рубеже 1940—1950-х годов в Новосибирске появились первые асфальтировщики — рабочие с длинными граблями и тяжелыми дизельными катками. Я любил наблюдать за их работой и даже подружился с дядей Федей, бригада которого асфальтировала площадь Сталина (ныне площадь Ленина). Он проникся ко мне таким доверием, что как-то дал три рубля и попросил сбегать за папиросами «Норд» стоимостью 1 руб. 40 коп. за пачку. В киосках у площади их не оказалось, и я побежал дальше к Первомайскому скверу. Купил, поворачиваю назад и лоб в лоб сталкиваюсь с дядей Федей. Он признался, что, увидев, как я побежал с площади, заподозрил во мне воришку и решил догнать. От радости, что

я не оправдал его худших предположений, он мне тут же купил каких-то сладостей. Вот ведь ситуация: украл бы я трешку, был бы поколочен; не украл, возведен в ранг героя — и никакой середины!

* * *

Несмотря на тяготы послевоенного времени, наше детство было счастливым. Во-первых, потому что детство есть детство. Во-вторых, нам перепадала лишь малая толика тягот, достававшихся взрослым. А главное, было твердое ощущение, что о нас заботится страна и жить становится все лучше. И это было действительно так.

Мы, мальчишки, свой город любили и были его искренними патриотами. Поднимаясь на виадук около вокзала, смотрели на частокол копящих в Левобережье заводских труб и гордились тем, как у нас в городе много заводов. Но предметом нашей особой гордости, конечно, были здания оперного театра и вокзала.

Мои патриотические чувства к городу действительно проявились в 4-м классе, когда мы начали изучать географию и знакомиться с картами. Я обнаружил, что Новосибирск обозначен значком, который соответствует населению от 100 до 500 тысяч человек. Негодованию моему не было предела. Ведь количество жителей нашего города уже достигло миллиона, а то и больше! Тогда я решил написать об этой несправедливости в Главное управление геодезии и картографии. На удивление скоро пришел ответ, который начинался словами: «Уважаемый товарищ...» В нем было выражено понимание моей озабоченности и сказано, что при составлении карты пользовались данными последней переписи населения, которая проходила в 1939 году. Это смягчило, но отнюдь не устранило мое негодование: разве в Москве не известно, какова численность населения Новосибирска сегодня?

* * *

Шкодили мы в детстве много. Среди невинных шалостей была такая: зимой наливали воду в стеклянную бутылку, заходили в какой-нибудь дом и в сенях оставляли бутылку (благо двери в сенях днем обычно не запирали). Вода замерзает и с треском разрывает бутылку. Кто этот звук слышал, говорил, что впечатляет, особенно ночью, когда мороз сильнее и все спят.

Осенью мы вырезали из тыквы «череп» — глазницы, носовое и ротовое отверстия. Надевали «череп» на длинную палку с лампочкой от карманного фонарика, провода от лампочки протягивали вдоль палки вниз, к батарейке и кнопке. Как стемнеет, подбирались к какому-нибудь окну, поднимали «череп» и включали лампочку. Чаще всего никакой реакции не было, но, если случалась суматоха, а еще лучше женский визг, это был искомый результат!

Ближайшим от нас был многоэтажный дом треста «Запсибзолото» на углу улиц Октябрьской и Каменской. Двери в квартиры там открывались внутрь. Это навело нас на мысль связать веревкой ручки противоположных дверей на какой-нибудь площадке и позвонить в обе

квартиры. После безответных вопросов «Кто там?» хозяева пытались открыть двери, и чем хуже у них получалось, тем с бóльшим остервенением они дергали двери. Удовлетворившись этой сценой, развязки событий мы не дожидались.

Или вот еще. В 7-м классе на уроках химии мы узнали, что реакция натрия с водой в закрытом сосуде производит взрыв. Самое трудное было стащить натрий из химического кабинета, остальное — дело техники. Наливаем до половины пузырька воду, к пробке прикрепляем на проволоке кусочек натрия (так, чтобы он не касался воды), закрываем пузырек, ставим его на середину тротуара и прячемся в кустах. Женщины всегда обходили подозрительный предмет стороной, а почти любой мужчина, независимо от возраста, норовил поддеть его ногой. Когда пузырек на лету взрывался, нас интересовала, прежде всего, реакция «футболиста». О возможных последствиях такой «шутки» мы не задумывались, но, к счастью, все обходилось.

Лидером пацанов на улице я не был, но слыл эрудитом. Авторитет эрудита иногда приходилось поддерживать самым примитивным способом — враньем. Жил неподалеку от нас китаец (их в ту пору в Новосибирске жило много, репатриировать начали с середины 1950-х годов), которого дразнили «хóдей» и непонятным вопросом: «Ходя, соли надо?» Мой сосед-ровесник Вовка Бобровский спросил как-то, что такое «ходя» (пренебрежительное название китайца. — *Ред.*). Я не знал, но, не моргнув глазом, ответил: «Ходя — это по-китайски “товарищ”». И вот однажды Вовка становится за этим китайцем в очередь за хлебом. Решив блеснуть вежливостью и языковыми познаниями, спрашивает: «Ходя, вы крайний?» Бежал он от китайца целых два квартала — были свидетели. Мой авторитет после этого забега не пошатнулся. Поскольку чувством юмора я был не обделен (любил «похохмить», как тогда говорили), то приятели решили, что это была шутка, на которую Вовка попался.

Хвастать здесь нечем, но — что было, то было. Поколение моих детей шалило по-другому, а поколение внуков-правнуков знает только айфоны да смартфоны. Не до шалостей.

* * *

В детстве на сэкономленные от школьных завтраков деньги я каждый год делал маме подарки к 8 Марта — то расписную деревянную шкатулку, то бронзовую статуэтку собаки, то еще что-то. А в младшие школьные годы, когда свободных денег было совсем мало, ограничивался просто поздравительной открыткой. Однажды (было это, кажется, во 2-м классе) я подарил открытку, на оборотной стороне которой старательно написал поздравительные слова, а на лицевой... была репродукция картины Перова «Проводы покойника». Мама долго смеялась над этим поздравлением и до конца жизни бережно хранила открытку.

* * *

Мой брат Игорь был необыкновенно талантлив в точных науках. В старших классах он серьезно увлекся радиотехникой (потом поступил

на радиотехнический факультет Томского политеха) и химией, в частности пиротехникой. Он сам делал разноцветные ракеты, а для их запуска смастерил из выстроганного деревянного корпуса и крупнокалиберного ружейного патрона пистолет-ракетницу. В патрон он набивал порох и вставлял цилиндрический брикет спрессованной ракеты. В начале ствола сбоку было отверстие для поджига пороха спичкой — такие самодельные «пистолеты» тогда называли «пóджигами». Где и как он доставал порох и химикаты, не помню. Когда по праздникам с крыши оперного театра пускали ракеты, мы тоже не отставали — знай наших! Хотя ракеты были не такими яркими, не так высоко взлетали и горели не так долго, как настоящие, все равно было здорово!

Как-то, насмотревшись на то, как весной взрывают лед на Оби во избежание заторов перед железнодорожным мостом (ГЭС тогда еще не было), брат решил: а почему бы и нам не взорвать большой сугроб снега перед нашим крыльцом? Игорь изготовил взрывчатку, вставил электродетонатор и протянул электропроводный шнур. Сам он в тот день болел ангиной и самое ответственное дело — заложить взрывчатку — поручил мне, семи-восьмилетнему. Взрыв получился живописный — мы за ним наблюдали из окна. После взрыва второго заряда картина вышла еще более потрясающей: когда снежная пыль осела, мы увидели нашего участкового милиционера капитана Капустинского (кстати, очень хорошего дядьку, бывшего фронтовика). Тот был похож на Деда Мороза больше, чем сам Дед Мороз: не только шинель и шапка, но и все лицо его было плотно залеплено снегом.

Как оказалось, после первого взрыва наша соседка тетя Фрося донесла «куда следует», а Капустинский пришел «среагировать на сигнал трудящихся». «Виновника торжества» Игоря он тут же забрал в милицию. Когда пришли с работы взрослые, на вопрос: «Где Игорь?» — я гордо ответил: «В тюрьме!» Продержали его там допоздна и выпустили после того, как с ним душевно побеседовал сам начальник отделения. Кроме всего прочего, у них состоялся и такой разговор:

— Ну а милицию ты бы мог взорвать?

— Почему же нет! Только много взрывчатки потребуется, но это можно рассчитать.

* * *

Начинал я учиться в 51-й семилетней школе (теперь там находится педагогический колледж). В 1948 году в нашем городе оставалось много военных госпиталей. Ими была занята половина новосибирских школ, поэтому школьникам приходилось учиться в три смены. Взрослые работали с раннего утра и допоздна, нас никто никогда не провожал и не встречал, хотя подросткового хулиганства хватало, даже с избытком. В 1952 году открылась 99-я школа-десятилетка (ныне в этом здании лицей № 22), в которую я перешел с 5-го класса и которую закончил в 1958 году.

В 1-м классе чистописанием мы занимались в тетрадках в косую линейку с тремя горизонтальными линиями. Средняя из них была ориентиром для колечек и перекладинок в буквах. Примерно полгода писали

одни крючки и колечки и только потом перешли к настоящим буквам. Авторучками в младших и средних классах пользоваться запрещалось — считалось, что они портят почерк. Писали стальными перьями № 86 или № 11, которые вставлялись в гнездо деревянной ручки. Эти перья давали должный нажим, т. е. красивые утолщения отдельных линий в буквах. У каждого школьника были свои чернильницы — «непроливайки». У мальчишек они все равно проливались, поэтому большинство из нас ходило с измазанными чернилами руками, носами и одеждой.

Всего этого давно нет, сегодня детей не мучают прописями крючков и хвостиков, но грех смеяться над теми порядками. Ведь почти все взрослые писали такими же ручками, и умение красиво писать тогда ценилось.

По школьной программе того времени начиная с 4-го класса проводились ежегодные экзамены. Например, в 4-м классе было четыре экзамена (устные и письменные по русскому и математике), в 7-м — семь, в 10-м — одиннадцать. Конечно, это многовато. Но вместо уменьшения их числа реформаторский зуд Хрущева привел в 1954 году к отмене экзаменов в промежуточных классах. Эту ошибку не исправили ни при Брежневле, ни при Андропове. Кривая успеваемости в школах, естественно, пошла вниз. Экзамены мобилизуют детей, поднимают их ответственность в учебе, вынуждают повторять пройденное за год и служат заменой внутренней дисциплины и чувства ответственности тем, у кого их нет. Сегодня мы вкушаем плоды очередной «подрывной акции мирового империализма» — Болонскую систему образования с ЕГЭ в школах и двухступенчатым образованием в вузах.

* * *

Ученики ходили в школу с портфелями, но высшим шиком были кожаные полевые офицерские сумки. Носили их счастливчики, чьи отцы-офицеры вернулись живыми с войны. Остальные поклонники «милитаристского» стиля, включая меня, носили аналогичные сумки из кирзы, которые были в свободной продаже. Во второй половине 1950-х, в хрущевское «пацифистское» время, мода на все военное стала проходить и с подобными сумками уже не ходили. Тем не менее вспоминаю я о них с доброй улыбкой. Во-первых, они освобождали руки, что было исключительно важно в драках. Во-вторых, имея солидную массу (вкуче с учебниками) и длинный ремень, сами служили грозным оружием.

Сравнивая «милитаризм» сталинской эпохи и «пацифизм» хрущевской, делаю выбор в пользу первого. Мне нравится, что после войны все дети и подростки были заражены спортивным азартом, который подогревался сдачей нормативов БГТО («Будь готов к труду и обороне») для детей и подростков и ГТО («Готов к труду и обороне») для допризывников. Тем, кто сдавал нормативы, вручали нагрудные значки соответствующей ступени. При Хрущеве все это отменили. Восстановили уже в брежневское время, но былая популярность не вернулась.

В сталинское время работники многих отраслей народного хозяйства (о силовых органах речь не идет) имели воинские звания и были

обязаны носить форму. Даже тетушка Вера, работавшая плановиком на речном флоте, ходила в темно-синем платье с латунными пуговицами с якорями и с погонами старшего лейтенанта. Звания и сама военная форма подтягивали людей, делали их более ответственными и дисциплинированными. Служба в армии считалась делом почетным. Многие родители рассчитывали, что армия направит их непутевых детей на путь истинный. Авторитет армии подорвал Хрущев бездумным массовым сокращением. Насмотревшись на выброшенных за борт жизни офицеров, народ перестал относиться к ним как к особой касте. Офицеры стали стесняться ходить в форме в театры или кино. Именно тогда началось поветрие «косить от армии».

* * *

В 7-м классе у нас появился новый ученик Лапов — личность нам заочно уже известная. Он принадлежал к одной из существовавших тогда «блатных» молодежных группировок — Садовской (по имени сада Сталина, ныне Центрального парка, где они тусовались). У каждой группировки, доходящей до 30—40 человек, был свой главарь, а основными занятиями являлись безнаказанное избивание сверстников, мелкие грабежи, попойки и прочее в том же духе. В общем, школа юных уголовников. Лапов был не главарь, но, как говорится, «особа приближенная».

И вот он является в наш класс посреди четверти — маленького роста, щуплый, физиономия круглая с веснушками, уши оттопыренные, нос пятачком, глаза зеленовато-наглые. Через несколько дней вся мужская часть класса была в его руках. Одни им восторгались, некоторые прислуживали, большинство держалось в сторонке, но никто ему не перечил. Ореол человека, за которого могут не только избить, но и убить («сунуть перо в бок»), Лапов поддерживал не только рассказами. Например, однажды он при всем классе отлупил физически куда более крепкого Сашку К. только за то, что тот не подсказывал Лапову во время его ответа у доски.

«Раздел» этого «короля» Валерка Левашов, приемный сын известного композитора, учившийся на год старше нас. Из-за какой-то мелочи Лапов набросился на Левашова в коридоре школы, но совершенно неожиданно получил по морде. Все решили, что песенка Левашова спета, тем более что Лапов это очень громко пообещал. В тот же вечер он пригласил весь класс в свидетели того, как будут расправляться с обидчиком. Трое-четверо из его почитателей согласились и потом рассказали, что на предложение Лапова «выйти поговорить» Валерка послал его подальше и дверь больше не открывал. Никакого возмездия за такую непочтительность не последовало.

Авторитет Лапова стал стремительно падать, а потом, не доучившись, исчез из нашего класса и он сам. Все это походило бы на веселую сказку Чуковского «Тараканище», если бы у многих из нас не осталось горького осадка от собственного малодушия и завистливого уважения к «настоящей» личности.

В начале 8-го класса нас принимали в комсомол. Вызывают по алфавиту. Вхожу в кабинет директора. За огромным столом в центре комнаты царственно восседает директор, у боковых стен на стульях робко жмутся члены комитета комсомола. Успешно отвечаю на все вопросы, включая сакраментальный «Для чего ты вступаешь в комсомол?». После чего вопрос обо мне ставится на голосование. И тут директор говорит своим громовым голосом (этого голоса в школе боялись даже учителя):

— А я думаю, ему рано вступать в комсомол! Он не хочет рисовать в школьной газете.

— Но, Михаил Терентьевич, я ведь учусь в музыкальной школе (по классу скрипки. — В. Г.) и в школьных концертах всегда участвую!

— Ничего, тебя хватит и на то, и на другое.

В общем, не приняли. Обидно было до слез. Выхожу из кабинета, «болельщики» спрашивают, как дела, а у меня комок застрял в горле. Дело было не в самом звании комсомольца, а в возрастном пороге, который отделял комсомол от пионерии и который я, единственный из всего класса, не преодолел, хотя по успеваемости был одним из лучших. Позже директор неоднократно спрашивал, почему не вступаю в комсомол, на что я неизменно отвечал: «Рано мне, Михаил Терентьевич, не дорос еще». Так и обошелся комсомол без меня.

В КПСС я тоже не вступил, хотя в свое время были настоятельные предложения с намеком на служебный статус. Передо мной был наглядный пример мамы, коммуниста «сталинского призыва», для которой слова «Раньше думай о Родине, а потом о себе» были не пустыми звуками. Поэтому в 25 лет я считал, что не дорос до партии, а в 35, насмотревшись на «коммунистов» 1970-х, уже считал, что партия не доросла до меня.

Из школьных предметов самыми любимыми для меня были математика и география, а не любил я больше всего литературу. Проблема в патологически слабой памяти. Выучить стихотворение для меня было сущей мукой, а потом я его мгновенно забывал. В старших классах самым противным было написание сочинений. Во-первых, требовался план с «раскрытием образов» героев, а во-вторых — обязательные цитаты как аргументы для «раскрытия». Творческий, по сути, процесс загонялся в шаблон. Это было всеобщей практикой. Такие методы у многих школьников на долгие годы (а у иных навсегда) отбивали охоту к литературе. И если я впоследствии читал и перечитывал Пушкина, Гоголя, Достоевского, Лескова и других русских классиков, то не благодаря, а вопреки школьным урокам литературы. Чехова же я много читал еще в школьные годы без всякой связи с учебной программой. При этом, как это ни парадоксально, слабая память не мешала мне без особого труда запоминать исторические даты. А неумение «раскрыть образы» мне потом аукнулось при поступлении в вуз.

Осенью 1954 года наш класс распался на две части — было введено смешанное обучение. Появилась даже ставшая популярной детская песня: «Мальчишки, девчонки, мальчишки, девчонки! // Мы учимся вместе, друзья. // Всегда у нас весело в классе. // Да здравствует дружба, ура!» Насчет веселья не скажу, но успеваемость сразу пошла вниз по причине повышенного взаимного внимания мужской и женской половин.

Шут бы с ней, с этой реформой, но зачем было делать смешанные отряды в пионерских лагерях? После 2-го курса в каникулы я работал пионервожатым в лагере Новосибирского аэропорта. На третий сезон желающих получить путевку было немного, и потому в лагерь брали подростков 15—17 лет, вышедших из пионерского возраста. Начальница лагеря направила меня в 1-й, самый старший отряд. В помещении отряда женская и мужская половины были разделены занавеской из простыней, поэтому главная наша с педагогом задача заключалась в том, чтобы после отбоя не допускать проникновения мужской части в женскую, а днем — шмыгать по кустам и выслеживать уединившиеся пары. По современным понятиям, эти уединения были совершенно целомудренными, но ведь чем черт не шутит.

Вообще в те годы школьных «романов» практически не было. Мальчишкам нравились какие-то девочки, но симпатии обычно ограничивались только особым к ним вниманием. Мои, и не только мои, настоящие свидания начались в студенческие годы.

Во время летних каникул после 8-го класса мы поехали в «трудовой лагерь» в колхоз имени Сталина (село Березовка близ станции Шелковичиха). Нам выделили дом на краю села, на берегу живописной реки Иня. С утра мы четыре часа работали на прополке овощей, а за это нас бесплатно кормили. Работа для непривычных к сельскому труду горожан была тяжелой, все время согнувшись, при этом каждый из нас едва ли выполнял и четверть трудодня. Но мы так и не прониклись уважением к крестьянскому труду. Вообще к крестьянству мы относились по-городскому спесиво и по-большевистски враждебно, как к мелкобуржуазному классу. Слово «крестьянин» в городе было синонимом прижимистого человека, а «колхозник» — кличкой дремучего невежды. Лишь спустя годы я осознал, что сделал русский крестьянин для России и сколь многим она ему обязана.

В числе наших развлечений тем летом были вечерние заплывы через реку с соревновательным уклоном: кто большее число раз переплывет. Зрителями-то были девчонки. Я плавал неплохо и вместе с самыми крепкими ребятами переплывал Иню по 10—12 раз в обе стороны без остановок. Однажды с нами в заплыв отправился Сережа Алалыкин, парнишка физически очень слабый. На третьем или четвертом этапе на самой середине реки он начал пускать пузыри. Мы с кем-то вдвоем подхватили его под мышки и поплыли с ним к берегу. Там больше всех суетился наш вечный общественник, душевный человек Женя К.

из параллельного класса. Он командовал нам: «К берегу, к берегу!», но сам в воду не заходил.

Однажды я крепко пострадал из-за прекрасного пола. Было это летом 1955 года, когда мне было около 14 лет. Мой брат Игорь, будучи студентом, заработал на мотоцикл и всегда приезжал на нем домой в летние каникулы, что при почти полном отсутствии дорог требовало немалой смелости. В один из таких приездов он решил научить меня водить мотоцикл. Для учебы мы выбрали гравийное шоссе в сторону обкомовских дач (ныне Дачное шоссе). В те годы машин на нем почти не было. За час занятий я уже изрядно освоился и, как мне казалось, сидел за рулем уверенно. На каком-то отрезке пути у меня с головы ветром сдуло кепку, и я развернулся, чтобы ее подобрать. Навстречу по обочине шли несколько девчонок примерно моего возраста. Поэтому вместо того, чтобы остановиться, я решил блеснуть мастерством и поднять кепку на ходу. Не буду описывать подробности, приведу результат: я вылетел из седла, проехал несколько метров вниз лбом по гравию, на котором оставил крупный лоскут своей кожи...

* * *

На выпускном школьном экзамене по истории мне попался вопрос «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны». Отвечаю уверенно и обстоятельно. Просят назвать фамилии партизанских деятелей. Называю Зою Космодемьянскую, молодогвардейцев, Ковпака, Медведева и т. д. Просят еще. Вспоминаю менее известных. Учителя с сожалением качают головой и ставят четверку. Оказалось, не назвал самого главного партизана того времени — Хрущева.

* * *

Одной из непоправимых глупостей в моей жизни было курение, к которому я пристрастился в неполные 16 лет. Что курить вредно, знали все. Несмотря на это, табачные изделия в стране широко рекламировались. Кроме открытой рекламы («На сигареты я не сетую, сам курю и вам советую»), была и скрытая, но более действенная. Все положительные герои советских фильмов были с душой нараспашку и с неизменной папироской в зубах, а отрицательные — наоборот (берегли, мерзавцы, свое здоровье). В «Весне на Заречной улице» герой Николая Рыбникова приходит к учительнице и, не спрашивая разрешения у хозяйки, начинает дымить папиросой. В «Небесном тихоходе» трое героев-летчиков приходят в гости к девушкам с папиросками, поют лихую песню, после чего эффектно бросают папиросы на пол. Подобные сюжеты неотразимо действовали на неокрепшее подростковое сознание.

Школьникам в те годы курить запрещалось в принципе. Мы прятались от родителей, учителей и просто взрослых знакомых. Как-то в 10-м классе по пути из школы домой я закурил и, издали увидев идущую навстречу учительницу литературы Л. С. Вдовину, спрятал папироску в рукав. Лидия Сергеевна, человек ядовито-ироничный и немногословный, остановила меня и вдруг завела долгий разговор,

уже не помню о чем. В завершение она ехидно спросила: «Ну что, рукав еще не прожег?»

В СССР курило большинство мужчин, но к курящим женщинам в обществе относились с осуждением. Курили в поездах, в купе вагона, в самолетах и в других общественных местах. Например, в зале Центрального аэровокзала в Москве сбоку каждого дивана для пассажиров стояли пепельницы. В ресторанах вообще стоял дым коромыслом, а уж курительные комнаты были в любом учреждении. Права курильщиков постепенно и разумно ограничивали, но в 2010-е годы, как у нас водится, перегнули палку и превратили курильщиков чуть ли не во врагов народа.

* * *

В 1950-е годы в зале Окружного дома офицеров по воскресеньям устраивали камерные концерты. Приезжали на гастроли знаменитые музыканты — скрипачи, пианисты, виолончелисты. Для учащихся музыкальных школ, к коим относился и я, концерты были почти бесплатными (по очень дешевым абонементом), но посещать их было нужно чуть ли не в обязательном порядке. На одном из концертов исполнялась такая немusикальная музыка (кого-то из современных композиторов), что меня потянуло в сон. Зевать с открытым ртом было неприлично, пришлось зевать с закрытым. А при таком способе зевания, как известно, на глазах выступают слезы. По соседству со мной сидел еще более юный музыкант со своей мамой, которому музыка нравилась еще меньше и которого мама громким шепотом увещевала, указывая на мои слезы: «Видишь, как мальчик умеет слушать, как он переживает. Ты должен так же научиться понимать музыку!»

Говорят, что песни молодости хороши только потому, что сам был молод. Это верно лишь отчасти. Песни моей юности мне нравятся куда меньше песен моего военного и послевоенного детства и песен 1930-х годов. Во всяком случае, как в юности, так и теперь терпеть не могу расплывшиеся с конца 1950-х, т. е. с хрущевской оттепели, шлягеры типа «Мишка», «Ландыши», «Мой Вася», «Черный кот» и т. д., которые чуть не ежедневно звучали по радио, сделались популярными и резко снизили музыкальные вкусы общества. Хотя все познается в сравнении. На фоне современной «попсы» эти песни можно считать произведениями большого искусства.

* * *

С конца 1940-х в газетах и по радио нагнеталась обстановка угрозы третьей мировой войны. Угроза была обоснованна — американцы, до 1949 года монополюсь владея атомной бомбой и имея сверхдальние бомбардировщики, наметили в СССР в качестве цели первые 20 городов, включая Новосибирск. В связи с этим появились замечательно красивые песни «Марш демократической молодежи», «В защиту мира», «Мы за мир» и др. Однако то, что звучало искренне в сталинскую эпоху, стало по-казенному фальшивым в 1960—1980-е годы. Люди все меньше

верили тому, что говорит власть, и на «антиимпериалистические» митинги ходили только под давлением начальства. Властям же требовалось нагнетать обстановку внешней угрозы (то неофашизм в Германии, то экспансионизм Китая, то агрессивность США). Надо было как-то объяснить, почему спустя 20, 30, 40 лет после войны страна продолжает жить бедно. Поэтому в массовое сознание советских людей внедрялась идея: лишь бы не было войны, все остальное вытерпим. Сегодня мы все убедились, что и экспансионизм Китая, и агрессивность США — вещи реальные. Однако пропаганда в СССР велась столь топорно, что ей вряд ли верили сами пропагандисты.

Окончание в следующем номере.

